

Ягафова 2008 – *Ягафова Е.А.* Этноконфессиональные меньшинства чувашей // Этнограф. обозрение. 2008, № 4. С. 114–127.

Гәрэбаш авылы – Гәрэбаш авылы тарихы турында материалдар (Материалы по истории д. Гарибашево – на татар. яз.) Рукопись (хранится у автора-составителя Н.С. Фаткыевой, в прошлом учительницы татарского языка, в с. Гарибашево Татышлинского р-на Республики Башкортостан).

Väliaho 2004 – *Väliaho J.* Volgan ja Uralin välilla. Lähetystyötä suomalais-ugrilaisten kansojen keskuudessa. Helsinki, 2004.

R.R. S a d i k o v. Processes of Religious Interaction in Ethnically Mixed Settlements of Ural-Povolzhie: History and Contemporary Trends

Keywords: religious interaction, ethnically mixed settlements, religious and ethnic groups, Ural-Povolzhie region

The article discusses the religious factor as the one having priority in various types of interaction among ethnic-religious groups: the Udmurt (Orthodox, “pagan”, Baptists), Mari (“pagan”), Mordva (Orthodox), Tatar and Bashkir (Muslim), Chuvash (Orthodox, “pagan”, Baptists), and Russian (Orthodox). The study demonstrates that the determining part in those was played either by the maintenance of traditional beliefs (“paganism”) or by the spreading of world religions (Islam and Christianity).

ЭО, 2010 г., № 6

© А.Д. Коростелев

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ СЕЛЕНИЯХ ПРИУРАЛЬЯ И ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2006, 2007 и 2008 гг.)

Ключевые слова: межэтнические браки, межэтническое взаимодействие, этническое расселение, этнически смешанные селения, похозяйственные книги, Урало-Поволжье

Статья, посвященная процессам распространения межэтнических браков в 39 селениях исследуемого региона, написана на основании анализа материалов текущего учета, ведущегося в сельских администрациях. Дана группировка селений в соответствии со степенью и характером распространения этнически смешанных браков. Выявлены особенности динамики процесса в каждом селении, позволяющие спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации. Особое внимание уделяется этнической идентификации детей от смешанных браков и ее зависимости от того, представители каких этнических групп вступают в смешанные браки.

Состояние межэтнических отношений, характер и степень сближения или обособленности этнических групп, которые проживают в каждом из селений, обследованных в рамках данного проекта, – сложные и многомерные явления, которые невозможно оценивать только с помощью какого-то одного показателя. Для полноты нашего представления необходимо комплексное использование различных характеристик, каждая из которых описывает определенную сторону сложившейся ситуации. Среди этих ха-

Александр Дмитриевич Коростелев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: adkoros@yandex.ru

рактических, наряду с такими индикаторами как особенности расселения в пределах данной деревни, конфессиональная принадлежность населения, этноязыковая ситуация, организация местных кладбищ и др., одно из основных мест занимают показатели состояния межэтнической брачности.

Данная статья посвящена теме распространения межэтнических и межконфессиональных браков на материале 39 этнически смешанных селений, обследованных в ходе работы экспедиций 2006, 2007 и 2008 гг., где в разных сочетаниях взаимодействуют между собой чувашы, удмурты, марийцы, татары, башкиры, мордва и русские. Статья основана на данных текущего учета личных хозяйств, ведущегося местными сельскими администрациями в похозяйственных книгах, в которых наряду с другими сведениями фиксируется либо до недавнего времени фиксировалась национальность жителей. Анализ собранных и обработанных данных позволяет сделать ряд выводов о степени распространенности и характере межэтнических браков.

Вопросам методики анализа данных по этнически смешанным бракам посвящен ряд работ отечественных демографов, этнологов и этносоциологов (*Птуха* 1971; *Перишиц* 1967; *Козенко* 1978; *Этносоциология* 1984: 174–183; *Сусоколов* 1990: 78–93). Целью анализа, осуществляемого с помощью таких методик, как правило, является выяснение степени отклонения существующей структуры брачности (а фактически процентного распределения брачных пар в соответствии с этнической принадлежностью мужей и жен) от такой теоретически возможной структуры, которая возникла бы, если бы этническая принадлежность не оказывала никакого влияния на выбор брачного партнера. При этом предполагается, что чем меньше такое отклонение, тем большее распространение получили этнически смешанные браки.

С формальной точки зрения такое предположение справедливо, а соответствующие методики детально разработаны. Тем не менее, в данном исследовании применение данного подхода представляется нецелесообразным. Во-первых, население каждой конкретной деревни не является замкнутой группой: совокупность возможных брачных партнеров гораздо шире; люди очень часто вступают в брак с жителями других населенных пунктов; значит, и теоретическая вероятность заключения браков между представителями каких-либо этнических групп не может рассчитываться только исходя из состава местных жителей. Во-вторых, жители каждой конкретной деревни – нестабильная категория, имеет место как естественное, так и механическое движение населения. Поэтому и половозрастная структура, и численное соотношение мужчин и женщин в деревне все время изменяются. Зафиксированные на момент исследования, они, естественно, отличаются от тех, которые имели место в момент заключения каждого брака, а значит, не могут являться основанием для реконструкции теоретической вероятности заключения такого брака, зарегистрированного много лет тому назад в совершенно иной этнодемографической ситуации.

По этой причине в данной работе не ставится задача исследования отклонения фактической структуры брачности от теоретически вероятной. Основным показателем, на котором основан наш анализ, – процент лиц той или иной национальности, состоящих в межэтнических браках, от общего числа женатых и замужних представителей этой национальности, проживающих в данном селении. Гражданские браки учитывались наравне с официально зарегистрированными.

При описании и анализе этих данных следует принять во внимание два обстоятельства. Первое состоит в том, что выбранный нами показатель не только отражает состояние межэтнической брачности, но зависит от трех переменных. Одна из них – доля данной национальности в составе населения. Если одна из представленных в селении этнических групп значительно превышает по численности другую группу, то даже если все женатые и замужние представители меньшинства состоят только в этнически смешанных браках, доля смешанных браков для численно преобладающей этнической группы может оказаться не очень высокой.

Вторая переменная – численное соотношение состоящих в браках мужчин и женщин среди представителей данной национальности. В некоторых случаях имеет место заметная гендерная диспропорция, которая может быть связана с различными причинами:

а) случающимся иногда изначальным превышением лиц того или иного пола в какой-либо возрастной группе;

б) преимущественным распространением среди лиц определенного пола (чаще девушек, чем юношей) миграционной тенденции, связанной с поиском лучших условий жизни и работы;

в) возможным установлением (по разным причинам) практики, когда местные юноши женятся на девушках иной этнической принадлежности из другой деревни;

г) другими причинами.

В некоторых случаях распространение этнически смешанных браков может быть связано не столько с уровнем сближения этнических групп, сколько именно с гендерной диспропорцией в составе будущих брачных партнеров среди представителей каждой этнической группы (подробнее см.: Этносоциология 1984: 179). В тех случаях, когда доля состоящих в смешанных браках среди женатых мужчин и замужних женщин ввиду гендерной диспропорции существенно различаются, нами использовались отдельные показатели для мужчин и для женщин.

Наконец, третья переменная отражает состояние взаимоотношений между этническими группами (положение на континууме отчуждение – сближение), проявляющееся в том числе и в степени распространенности практики заключения этнически смешанных браков.

Другое обстоятельство, которое следует принимать во внимание при описании и анализе данных, связано с тем, что собранные в поле материалы требуют достаточно большого времени для их обработки и осмысления. Поэтому некоторые особенности распространения моноэтнических и этнически смешанных браков (например, упомянутая выше гендерная диспропорция и др.) выявляются спустя несколько недель или месяцев после собственно полевой работы, когда выяснить обстоятельства, при которых сложились данные особенности структуры брачности уже не представляется возможным, и остается ограничиваться лишь предположениями.

При обработке материалов похозяйственных книг были обнаружены различия по степени распространенности межэтнических браков в зависимости от возраста супругов. В связи с этим был проведен сравнительный анализ брачных пар, относящихся к различным возрастным категориям. Так как в похозяйственных книгах не содержится информация о времени заключения браков, группировка брачных пар была проведена в соответствии с годами рождения мужей по десятилетним интервалам.

Так как возрастные категории жен в подавляющем большинстве случаев совпадали с возрастными категориями мужей, то, по нашему мнению, выбор группировки брачных пар в соответствии с возрастом именно мужей, а не жен, не должен существенно повлиять на полученный результат.

Обработка материалов и проведенный анализ показали, что возможно выделить четыре группы селений, существенно различающихся между собой по той роли, которую в этих селениях играют смешанные браки между наиболее многочисленными для каждого селения этническими группами.

Эти группы первоначально были выделены в соответствии с общими значениями показателей межэтнической брачности по селениям без учета различий между поколениями. Дальнейший анализ таких различий позволил представить сложившуюся картину в ее динамике. При этом обращалось внимание на три обстоятельства: а) наличие или отсутствие значимых различий по степени распространения этнически смешанных браков среди разных возрастных групп, что позволяет говорить о стабильности или развитии процесса; б) наличие или отсутствие межэтнических браков среди пред-

ставителей старших возрастных групп (наиболее ранний из доступных исследователю этапов процесса); в) степень распространенности смешанных браков среди наиболее молодых возрастных групп, позволяющая спрогнозировать дальнейшее развитие процесса и оценить, ведет ли он в отдельных селениях к размыванию этнолокальных групп, связанному с этнически смешанными браками, или несмотря на относительную размытость этнической границы такая угроза все же отсутствует.

Используемое здесь выражение *размывание этнолокальной группы, связанное с этнически смешанными браками*, нуждается в некотором пояснении. Речь идет о ситуации, когда явное большинство представителей молодого поколения какой-либо этнической группы в определенном селении состоят в этнически смешанных браках. В ходе дальнейшего изложения говорится, что процесс ведет к размыванию, связанному со смешанными браками, в том случае, если в таких браках состоит более 60% от общего числа представителей молодого поколения, состоящих в браках. В том случае, если этот показатель составляет от 40% до 60%, говорится о том, что группа приближается к такой возможности.

Важно подчеркнуть, что размывание этнолокальных групп, связанное с этнически смешанными браками, не обязательно означает ее размывания в языковом и культурном отношении. Языковые, культурные, идентификационные характеристики потомков от смешанных браков могут зависеть от различных обстоятельств. Так, размывание в связи со смешанными браками какой-то группы, выступающей как численное меньшинство в данном селении, в условиях, когда ни ее язык, ни элементы ее культуры, ни ее конфессиональная принадлежность не разделяются большинством, по-видимому, как правило, повлечет за собой языковую, культурную, этническую ассимиляцию. Если же, например, имеет место размывание русского населения, составляющего меньшинство в каком-либо селении, то скорее можно предположить, что в этом случае потомки от смешанных браков будут либо носителями русской идентичности и русского языка либо, при каких-то обстоятельствах, составят своего рода маргинальную группу. В то же время и языковая, культурная, этническая ассимиляция может происходить без размывания группы, связанной с этнически смешанными браками. (Например, в сел. Бугабашево (Бакалинский р-н Башкортостана), высокая доля таких браков не ведет к размыванию проживающих там чувашей и русских. В то же время, как показано в опубликованной здесь статье Е.А. Ягафовой “Чуваши в межэтническом взаимодействии в Закамье”, культурные и языковые характеристики чувашей в этом селении претерпели за последние десятилетия существенные изменения.)

Таким образом, размывание группы, связанное с этнически смешанными браками, не совпадает с ее аккультурацией или ассимиляцией, а скорее выступает как их предпосылка.

К **первой группе** относятся одиннадцать селений, в каждом из которых доля лиц, состоящих в межэтнических браках, сравнительно невелика. Внутри этой группы можно выделить две подгруппы, отличающиеся между собой по степени выраженности этой тенденции. Их можно назвать подгруппами 1А и 1Б. Наиболее обособленными в отношении иноэтнических брачных предпочтений выглядят жители двух селений, включенных нами в **подгруппу 1А**. Это *Кармаскалы* (Стерлитамакский р-н Республики Башкортостан (далее – РБ), обследование 2007 г.), где проживают татары-мусульмане и мордва-православные и зафиксирована только одна брачная пара “мордвин – татарка”, и *Ярмино* (Дюртюлинский р-н РБ, обследование 2006 г.), где живут марийцы-“язычники”, татары-мусульмане и башкиры-мусульмане и отмечен только один брак “мариец – татарка”. В то же время уровень смешанных браков между башкирами и татарами в Ярмино столь высок, что фактически в отношении брачного поведения их можно рассматривать как единую группу. То же самое можно отметить и в отношении брачного поведения татар и башкир в других исследованных селениях, хотя и не во всех.

Подгруппа 1Б объединяет девять селений, для которых также характерен довольно невысокий уровень межэтнической брачности, по сравнению с большинством исследованных селений, хотя он все же несколько выше, чем в селениях группы 1Б. Это Метевбаш (Белебеевский р-н РБ, обследование 2006 г.; наиболее многочисленные этнические группы – татары-мусульмане и марийцы-“язычники”), Шавьяды (Балтачевский р-н РБ, обследование 2006 г.; татары-мусульмане и удмурты-“язычники”), Асавка (также Балтачевский р-н РБ, обследование 2006 г.; удмурты-“язычники” и татары-мусульмане), Малонакаряково (Мишкинский р-н РБ, обследование 2007 г.; марийцы-“язычники”, русские и татары-мусульмане), Тепляки¹ (Бураевский р-н РБ, обследование 2007 г.; татары, башкиры, русские), Старобазаново (Бирский р-н РБ, обследование 2008 г.; в основном марийцы-“язычники” и русские, в прошлом моноэтническое русское селение, также как Малонакаряково и Тепляки), Удмурт Китяк (Малмыжский р-н Кировской обл., обследование 2008 г.; удмурты (православные и баптисты) и русские), Салдакаево (Нурлатский р-н Республики Татарстан (далее – РТ), обследование 2008 г.; чуваша и татары), Русская Васильевка (Кошкинский р-н Самарской обл., обследование 2008 г.; чуваша и русские). Ни в одном из этих селений доля лиц, состоящих в смешанных браках, не превышает 15% для наиболее многочисленной этнической группы и 30% для группы, занимающей второе место по численности.

Анализ выявил различия по степени распространенности межэтнических браков в зависимости от возраста супругов почти во всех селениях данной подгруппы кроме двух (Шавьяды, Асавка). В четырех селениях (Старобазаново, Удмурт Китяк, Салдакаево, Русская Васильевка) представители старших поколений (в Старобазаново до 1940 г. рожд., в остальных селениях – до 1950 г. рожд.) вообще состоят только в моноэтнических браках. При этом уровень межэтнической брачности в наиболее молодых возрастных группах в большинстве селений не ведет к размыванию основных контактирующих групп за исключением татар в селении Малонакаряково (третья по численности этническая группа в этом селении). Однако к такому положению приближаются также марийцы в Метевбаше и русские в Тепляках.

Вторая группа включает селения, где одна из этнических групп численно значительно преобладает над другими, и по этой причине смешанные браки, которые здесь имеют большое значение для меньших по численности групп, не могут иметь такого же значения для наиболее многочисленной национальности. В составе этой группы выделяются три подгруппы – 2А, 2Б и 2В.

Подгруппу 2А составляют три моноэтнических в прошлом селения, превратившиеся в смешанные в результате межэтнических браков, в которые вступали жители этих селений. При этом таких браков, в которых один из брачных партнеров относится к группе большинства, а другой – к одной из групп меньшинства, в этих деревнях в несколько раз больше, чем таких, в которых никто из супругов не относится к группе большинства. Это селения Монашево (Менделеевский р-н РТ, обследование 2007 г.), где преобладают удмурты, а второй по численности группой выступают марийцы, Благодатное (Граховский р-н Удмуртской Республики (далее – УР), обследование 2007 г.), где большинство составляют чуваша, а наиболее многочисленной из групп меньшинства являются русские, Нарат-Чукур (Бакалинский р-н РБ, обследование 2008 г.), где проживают в основном татароязычные марийцы-“язычники”, а также небольшое число кряшен. Межпоколенная динамика межэтнической брачности выявлена только в Монашево.

Структура межэтнической брачности в селениях, включенных нами в **подгруппу 2Б**, не отличается существенно от той, которая характерна для подгруппы 2А, но сложилась она совершенно иным путем. Эти селения оставались этнически смешанными на протяжении многих десятилетий, но в условиях активной миграции в города представителям молодого поколения, остававшимся в своем селении, в особенности тем из них, кто не принадлежал к численно преобладающей этнической группе, становилось

труднее найти брачного партнера внутри своей этнической группы, что привело к росту числа межэтнических браков. Кроме того, в случае, когда представители групп меньшинства мигрировали более активно, возможно, что те из них, кто состоял в браках с представителями большинства, с большей вероятностью оставались в деревне, тем самым также увеличивая долю смешанных браков. В подгруппу 2Б нами включены четыре селения: Удмуртские Ташлы (Бавлинский р-н РТ, обследование 2006 г.), где в качестве большинства выступают удмурты, которые в конфессиональном отношении делятся на православных и “язычников”, а меньшинством являются православные чуваша, Нижний Тыхтем (Калтасинский р-н РБ, обследование 2006 г.), где преобладают марийцы, второе место по численности занимают удмурты, а в недавнем прошлом жили также русские, Шушнур (Краснокамский р-н РБ, обследование 2007 г.), где преобладают марийцы (как православные, так и “язычники”) и проживают также татары и русские, Тимяшево (Шенталинский р-н Самарской обл., обследование 2008 г.), где большинство составляет мордва и проживают также русские и чуваша.

Динамика распространенности межэтнических браков в зависимости от возраста супругов выявлена только в Удмуртских Ташлах и в Нижнем Тыхтеме. Уровень межэтнической брачности в наиболее молодых возрастных группах в Нижнем Тыхтеме может привести к размыванию второй по численности группы – удмуртов. В остальных трех селениях аналогичный процесс происходит уже длительное время.

Селения, составившие **подгруппу 2В**, так же как и селения подгруппы 2Б, в течение долгого времени существовали как этнически смешанные. При этом для них, так же как и для селений, включенных в подгруппы 2А и 2Б, характерно значительное численное преобладание одной из этнических групп над остальными, и не очень существенная роль межэтнических браков для группы большинства. Однако, в отличие от двух предыдущих групп, здесь доля лиц, состоящих в межэтнических браках, не столь высока и составляет для второй по численности национальности около 50%. В подгруппу 2В нами включены семь селений. В трех из них в качестве численно преобладающей этнической группы выступают чуваша. Это Потапово-Тумбарла (Бавлинский р-н РТ, обследование 2006 г.), где проживают также удмурты, татары и русские, Юмашево (Чекмагушевский р-н РБ, обследование 2006 г.), где вторая по численности национальность – марийцы (“язычники”), и Айгулево (Стерлитамакский р-н РБ, обследование 2007 г.), где исторически жили также русские, а в последние десятилетия подсеялись также татары и башкиры. В селении Кизганбашево (Балтачевский р-н РБ, обследование 2008 г.) исторически преобладают удмурты, второе место по численности занимают татары, а также живет небольшое число русских. В Алдарово (Малмыжский р-н Кировской обл., обследование 2008 г.) большинство составляют марийцы и проживают также русские. В Новой Смаили (Малмыжский р-н Кировской обл., обследование 2008 г.) живут в основном татары и небольшое число удмуртов, марийцев и русских. В Казанке (Вятскополянский р-н Кировской обл., обследование 2008 г.) татары составляют около половины населения, второе место занимают русские, третье – удмурты.

Невысокий по сравнению с населенными пунктами, включенными в подгруппы 2А и 2Б, уровень межэтнической брачности, не должен вводить в заблуждение. Во всех без исключения селениях подгруппы 2В степень распространенности межэтнических браков существенно зависит от возраста супругов. При этом в трех селениях представители старших поколений состоят только в моноэтнических браках (в Кизганбашево и в Казанке до 1940 г. рожд., в Алдарово – до 1960 г. рожд.). Единичными случаями представлены смешанные браки в старших поколениях жителей Юмашево и Айгулево. В то же время степень распространения межэтнических браков среди самых молодых возрастных групп может привести к размыванию марийского населения в Юмашево, русского в Айгулево и в Алдарово, татарского и русского в Кизганбашево. К такому же положению приближаются и удмурты в селении Потапово-Тумбарла. Лишь в Казанке и в Новой Смаили существенной угрозы размывания меньших по численности этнических групп пока не наблюдается.

Восемь селений, включенных в **третью группу**, отличаются очень высокой долей межэтнических браков, причем это обстоятельство в существенной степени определяет процессы, происходящие со всеми основными этническими группами, там проживающими. Во всех этих селениях доля лиц, состоящих в смешанных браках, даже для наиболее многочисленной группы превышает одну треть. Однако характер протекающих процессов в каждом селении отличается своеобразием, что не позволяет выделить здесь какие-либо подгруппы.

Так, в селении Базгиево (Шаранский р-н РБ, обследование 2006 г.) межэтническое смешение имело место в течение нескольких поколений, и в результате взаимодействия чувашей, крещеных татар, кряшен, а также мордвы сложился своеобразный локальный этнокультурный тип с преобладанием чувашского самосознания, татарского языка и православной религии. В этом селении проживают также татары-мусульмане.

В селении Старые Маты (Бакалинский р-н РБ, обследование 2006 г.), где проживают кряшены, чуваша, татары-мусульмане, русские и башкиры, большое число браков между кряшенами и чувашами, наряду с другими особенностями взаимодействия этих этнических групп, позволяют говорить о формировании двуязычной надэтнической общности, верующие представители которой в конфессиональном отношении являются православными. В то же время и доля браков между “мусульманскими” и “православными” группами, хотя и несколько ниже, но все же достаточна высока.

В Максимово (Янаульский р-н РБ, обследование 2007 г.) в течение последних десятилетий шел постоянный рост межэтнических браков между представителями двух основных национальностей – удмуртами-“язычниками” и татарами-мусульманами.

Такой же процесс весьма интенсивно развивался в двух селениях на юге Удмуртии, жители которых в конфессиональном отношении являются православными. Одно из них – Каменное (Граховский р-н УР, обследование 2007 г.), которое за несколько последних десятилетий превратилось из преимущественно русского в русско-марийско-удмуртское. Другое селение – Порым (тот же р-н, обследование 2007 г.), где исторически проживали кряшены и удмурты, а теперь фиксируются также русские. Это произошло как за счет переселения сюда небольшой группы русских, так и за счет изменения у части кряшен самоидентификации на русскую.

В селении Князь-Елга (Илишевский р-н РБ, обследование 2007 г.), в котором живут крещеные татароязычные удмурты, а число жителей в результате миграции резко сократилось, в последние десятилетия местные юноши в основном заключали браки с башкирками из соседней деревни.

В Бугабашево (Бакалинский р-н РБ, обследование 2008 г.) наблюдается стабильно высокий уровень межэтнической брачности между чувашами и русскими. Представителей других народов здесь единицы и живут они только в смешанных семьях.

Наконец, в селении Старое Эштебенькино (Челно-Вершинский р-н Самарской обл., обследование 2008 г.) имеет место сложное взаимодействие между тремя основными этническими группами – русскими, чувашами и мордвой, проживающими здесь вместе около двух столетий.

Повсеместно в селениях третьей группы за исключением Бугабашева степень распространенности межэтнических браков существенно зависит от возраста супругов. При этом и среди представителей старших поколений во всех без исключения селениях уровень межэтнической брачности оказался отнюдь не нулевым. Таким образом, межэтнические браки здесь стали заключаться достаточно давно, но именно в последние десятилетия они распространились настолько, что можно говорить об интенсивном процессе межэтнического смешения.

Степень распространения межэтнических браков среди самых молодых возрастных групп может привести к смешению чувашей и татар в Базгиево, русских, марийцев и удмуртов в Каменном, к размыванию удмуртского населения в Князь-Елге, мордовского и, в меньшей степени, чувашского – в Старом Эштебенькино.

Четвертую группу составили шесть селений, которые по уровню межэтнической брачности, занимают промежуточное положение между первой и третьей группами. Это два селения, где проживают чуваша и мордва (и те, и другие православные) – Наумкино (Аургазинский р-н РБ, обследование 2007 г.) и Ильтерьяково (Кармаскалинский р-н РБ, обследование 2007 г.), Асавтамак (Бураевский р-н РБ, обследование 2007 г.), где в течение многих поколений фиксируются татары-мусульмане и удмурты-“язычники”. В селении Дым-Дым-Омга (Вятскополянский р-н Кировской обл., обследование 2008 г.) примерно две трети составляют удмурты, почти четверть – русские, на третьем месте татары. Сходный этнический состав и в соседней деревне Виноградovo, но здесь несколько меньше удмуртов (немногим более половины) и больше русских (более трети). В Верхней Кондрате (Чистопольский р-н РТ, обследование 2008 г.) почти две трети населения – кряшены, немногим меньше одной трети – чуваша, в деревне также проживает небольшое число татар-мусульман.

Как и для третьей группы, в селениях, отнесенных к четвертой группе, повсеместно (за исключением Асавтамака) степень распространенности межэтнических браков существенно зависит от возраста супругов. В Наумкино и в Ильтерьяково среди представителей старших поколений (до 1950 г. рожд.) не зафиксировано браков между основными этническими группами – чувашами и мордвой. В Дым-Дым-Омге и в Виноградovo у тех же возрастных групп отмечено только по одному браку между удмуртами и русскими.

Степень распространения межэтнических браков среди самых молодых возрастных групп ведет к размытию локальной группы удмуртов в Асавтамаке. К такому же положению приближаются мордва в Наумкино и Ильтерьяково, удмурты в Виноградovo, чуваша в Верхней Кондрате.

Таким образом, исследованные селения значительно различаются между собой по степени распространенности межэтнической брачности. При этом обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех селениях, где уровень межэтнической брачности можно считать высоким или хотя бы умеренным, нынешнее положение сложилось буквально в самые последние десятилетия, о чем свидетельствуют результаты сравнительного анализа брачных пар, относящихся к различным возрастным категориям. Из общей совокупности населенных пунктов (39 селений), по которым проводился сравнительный анализ, динамические изменения прослеживаются в 29 селениях. При этом, несмотря на то, что направленность процесса очевидна, характер динамики в разных селениях отличается своими особенностями, а также теми периодами времени, с которыми можно связать наибольший рост уровня межэтнической брачности. Тем не менее, в большинстве случаев наиболее контрастными выглядят различия между браками, в которых состоят мужья, родившиеся до 1960 г., и теми браками, в которых состоят мужья, родившиеся не ранее 1960 г. Правда, в некоторых случаях такой “критический рубеж” приходится на более ранние или более поздние моменты времени, а в ряде селений таких “рубежей” оказалось несколько. В целом, из 29 селений, где выявлены динамические изменения, в 19 селениях отмечен только один “критический рубеж”, которому соответствует резкое увеличение доли смешанных браков. Из них в девяти селениях он приходится на 1960 г., в шести селениях на 1950 г., в двух – на 1940 г. в двух – на 1970 г. При анализе данных по остальным десяти селениям выявлено несколько “критических рубежей”, но в девяти случаях из десяти одним из таких “рубежей” снова оказался 1960 г., в восьми случаях – 1950 г.

Таким образом, чаще всего “критический рубеж” соответствует именно рубежу 1960 г. Если предполагать, что мужчины, как правило, создают семью в возрасте от 20 до 30 лет, то тем периодом, в который произошло коренное изменение уровня межэтнической брачности, можно в среднем считать 1980-е годы. Несколько реже такой “рубеж” приходится на 1950 г., а значит, периодом существенного изменения в этих случаях были 1970-е годы.

Это свидетельствует о своевременности предпринятого нами исследования. 20–30 лет тому назад можно было еще не заметить произошедший перелом, еще 20 лет спустя его уже невозможно было бы зафиксировать.

Большинство селений, в которых не отмечены динамические изменения, относятся к подгруппам 1А, 2А и 2Б. Из девяти селений, включенных в эти подгруппы, значимые различия между возрастными группами по уровню межэтнической брачности отсутствуют в шести (67%). Из 30 селений, составивших остальные группы и подгруппы (1Б, 2В, 3 и 4), такие различия не зафиксированы лишь в четырех (13%). При этом этнические смешанные браки в старших возрастных группах отмечены в большинстве исследуемых селений, в том числе во всех селениях подгрупп 2А, 2Б и третьей группы и примерно в половине остальных населенных пунктов.

Ситуация, при которой уровень межэтнической брачности в молодых возрастных группах ведет к размыванию какой-то из этнических групп или такая возможность приближается, имеет место в большинстве селений в подгруппе 2В, третьей и четвертой группах, тогда как в большинстве селений подгруппы 2Б такое размывание продолжается уже длительное время.

Необходимо также отметить, что рост доли межэтнических браков, имевший место в последние десятилетия, кое-где произошел не впервые. В некоторых селениях этнический состав и культурно-языковые характеристики населения сформировались в предыдущие эпохи (в XIX в., а возможно отчасти и в первые десятилетия XX в.) также в результате интенсивных процессов межэтнического взаимодействия, в том числе и смешанных браков. Так, в Базгиево взаимодействие между чувашами, крещеными татарами, кряшенами и, отчасти, мордвой привело к формированию локального типа татароязычных чувашей. В Князь-Елге результатом взаимодействия между крещеными удмуртами и кряшенами стало татароязычие удмуртов. Таким образом, тот рост доли смешанных браков, который имел место в этих селениях в последние десятилетия XX столетия, стал здесь “второй волной” роста межэтнической брачности. Однако его основное отличие от “первой волны” состоит в том, что тогда это были браки между представителями разных этнических групп внутри одной – православной конфессии. “Вторая волна” связана с ростом доли межконфессиональных браков – между православными и мусульманами.

Как уже говорилось выше, не все изменения в уровне межэтнической брачности являются только прямым результатом преодоления обособленности между представителями разных этнических групп. Большую роль играют возникшие по той или иной причине диспропорции гендерного состава среди представителей разных национальностей. Например, возникновение гендерной диспропорции в одной из возрастных когорт марийцев, живущих в Юмашеве, было связано с началом распространения в этом селении смешанных браков. Встречается и большое число других фактов. Так, довольно частое явление – выход замуж невест-башкирок за жителей тех селений, где большинство жителей относится к другим этническим группам, – чаще всего за татар (Кармаскалы, Метевбаш, Шавьяды, Асавка, Максимова и др.), а также за удмуртов (Князь-Елга, отчасти Шавьяды). Аналогичным образом, русские невесты выходили замуж за удмуртов в селении Удмуртские Ташлы. Там, где в результате более активной миграции девушек из села русских мужчин оказывалось больше, чем женщин, они женились на чувашках (Айгулево) и на марийках (Шушнур). Там, где такой же процесс происходил с удмуртами, удмуртские юноши женились на татарках и башкирках (Шавьяды, Асавка, Асавтамак, Князь-Елга). Аналогичное явление зафиксировано и в чувашско-мордовских селениях Наумкино (мужчины – чуваша и мордвина – женились на русских и татарках) и Ильтерьяково (чуваша женились на татарках). В Старом Эштебенькино и в Тимяшево мордвина женились на русских и чувашках. В Салдакаево татары женились на чувашках, а чуваша, в свою очередь, брали замуж русских девушек из других селений. Имеют место и обратные ситуа-

ции – в Старых Матах среди русских, родившихся не ранее 1960 г., оказалось меньше мужчин, чем женщин, и результатом стали более частые смешанные браки русских женщин с представителями других этнических групп. Но наиболее заметные, и оставшиеся, к сожалению, пока необъясненными случаи гендерной диспропорции – это ситуации в Максимово, где браки “татарин – удмуртка” встречаются в 2,4 раза чаще, чем браки “удмурт – татарка”, и в Базгиево, где число браков “чуваш – татарка” превосходит число браков “татарин – чувашка” более чем в 4 раза. При этом в обоих случаях речь идет об этнических группах, которые являются наиболее многочисленными в этих селениях.

Полученный материал позволяет также оценить предпочтения лиц, состоящих в смешанных браках, в выборе национальности своих детей. Однако следует отметить, что в исследовании не ставилась задача построения выборки, которая была бы репрезентативной для всех детей от смешанных браков в регионе или в каком-либо из субъектов РФ, на территории которых проходило исследование. Спроектировать подобную выборку, даже если бы такая задача ставилась, было бы нелегко, если вообще возможно, ввиду отсутствия необходимой статистической информации. Здесь представлены лишь все те данные об этнической идентификации детей от смешанных браков, которые были зафиксированы в похозяйственных книгах сельсоветов на момент обследования. Важно также подчеркнуть, что процессы, развивающиеся в результате распространения этнически смешанных браков, носят многоплановый характер. Приведенные здесь данные отражают только один из аспектов этих процессов, связанный с этнической идентификацией детей от таких браков своими родителями (в некоторых случаях, возможно, также работниками сельских администраций), и не отражают других аспектов – языковых, этнокультурных, социальных, а также всей возможной сложности этнической самоидентификации потомков от смешанных браков.

Адаптация поведения лиц, состоящих в этнически смешанных браках, к фактору признаваемых данным сообществом этнических границ проявляется в частности и при выборе национальности для своих детей, записываемой в книгах похозяйственного учета. Преобладающей формой такой адаптации обычно был выбор одной из двух национальностей родителей, а в некоторых ситуациях – выбор русской идентичности. В современных условиях, когда указание национальности перестало быть обязательным, в некоторых селениях становится распространенным явлением отказ от указания национальности детей от таких браков.

Материалы похозяйственных книг позволяют оценить предпочтения лиц, состоящих в смешанных браках, при выборе национальности своих детей, а также возможные факторы, влияющие на такой выбор, для различных вариантов брачных пар. К таким факторам можно отнести: а) широко распространенное предпочтение выбирать для своих детей национальность отца (фактор отца); б) встретившееся в двух селениях предпочтение выбирать для детей национальность матери (фактор матери); в) зависимость выбора национальности от того, какая из этнических групп в демографическом и культурном отношении преобладает в данном селении (мажоритарный фактор). При этом из анализа, естественно, исключаются случаи, когда национальность детей от смешанных браков в похозяйственных книгах не указывается. Большинство селений, в которых это явление стало правилом, а не исключением, локализируются в следующих географических зонах:

- юг Башкортостана (селения Кармаскалы и Айгулево Стерлитамакского р-на);
- часть селений северо-запада Башкортостана (Шушнур Краснокамского, Князь-Елга Илишевского р-на, отчасти Ярмино Дюртюлинского, Нижний Тыхтем Калтасинского, Тепляки Бураевского р-на);
- север Татарстана и юг Удмуртии (Монашево Менделеевского р-на РТ, Благодатное и Каменное Граховского р-на УР, отчасти Порым Граховского р-на);

– Новосмаильский куст селений на юге Кировской обл. (Удмурт Китяк, Алдарово, Новая Смаиль Малмыжского р-на);

– а также одно из селений на юге Татарстана (Салдакаево Нурлатского р-на).

Полученные материалы показывают, что дети от браков русских мужчин с женщинами других национальностей, в подавляющем большинстве случаев в похозяйственных книгах записывались русскими. В тех же случаях, когда русские женщины состоят в браке с мужчинами других национальностей, ситуация может различаться. Дети от браков русских женщин с чувашами, марийцами и удмуртами гораздо чаще фиксируются как русские, чем как представители этих народов. Дети от браков “мордвин – русская” также чаще записывают русскими, но здесь опережение не столь велико. Если же русские женщины состоят в браках с татарами или башкирами, то в этом случае дети заметно реже записаны русскими, а чаще соответственно татарами и башкирами.

Дети от браков мужчин-чувашей с татарскими женщинами в большинстве селений чаще записаны чувашами, чем татарами. Однако обратная картина (дети чаще зафиксированы как татары) отмечена в таких селениях как Старые Маты, Верхняя Кондрата и Базиёво, то есть там, где либо под именем татар выступают кряшены либо формирование локальной группы татароязычных чувашей происходило при участии крещеных татар и кряшен. Это свидетельствует о том, что ввиду отсутствия межконфессиональных барьеров кряшенская среда в большей степени способствует размыванию чувашского населения, чем татарская мусульманская. В тех же случаях, когда татары женятся на чувашках, дети в большинстве случаев записывались татарами независимо от того, идет ли речь о татарах-мусульманах или о кряшенах. В качестве исключения можно назвать случай в чувашско-русском селении Русская Васильевка, когда две дочери от такого брака записаны чувашками, что можно объяснить мажоритарным фактором.

В случае удмуртско-татарских браков следует иметь в виду, что в двух селениях из числа тех, где большинство составляют эти две этнические группы, отмечена довольно необычная ситуация (селения Максимово и Асавтамак). Там при большом числе браков как удмуртов с татарками, так и татар с удмуртками дети в большинстве случаев были записаны по национальности матери (фактор матери). В остальных же населенных пунктах доминирует фактор отца: в случае браков “удмурт – татарка” могут встречаться оба варианта, но несколько чаще все же дети записаны удмуртами, тогда как в браках “татарин – удмуртка”, дети почти всегда зафиксированы как татары.

Фактор отца играет решающую роль и для марийско-татарских браков. Если муж – мариец, а жена – татарка, то дети всегда записаны марийцами (естественно, за исключением тех случаев, когда имеют место отказы от выбора национальности). Если же муж – татарин, а жена – марийка, то дети почти всегда зафиксированы как татары за исключением одного случая в селении Малонакаряково, что можно объяснить влиянием мажоритарного фактора (в данном селении марийцы составляют более половины населения).

Одной из особенностей расселения этнических групп в регионе стал тот факт, что башкиры достаточно редко создавали смешанные селения с другими национальностями кроме татар. Однако, как уже отмечено в статье “Исследование этнокультурного взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжского региона”, в рамках данного проекта от экспедиционного изучения проблемы башкирско-татарского взаимодействия было решено отказаться. Среди тех браков башкир с представителями других народов Урало-Поволжья, которые попали в поле зрения исследователей, большинство – это браки башкирских женщин, вышедших замуж за мужчин, живущих в исследованных населенных пунктах, причем, как правило, башкирки родились не в этих, а в соседних селениях.

В идентификации детей от татарско-башкирских браков встречаются и татарская, и башкирская ориентация, и отказ от выбора национальности. Соотношение этих вариантов в разных селениях различно, но все же чаще дети от таких браков в обследованных селениях записаны татарами. В некоторых селениях преобладание башкирской ориентации объяснимо (фактор матери в Максимово, историческое преобладание башкир в Ярмино), в других выбор татарской или башкирской национальности, по-видимому, чаще зависит от личных предпочтений родителей.

Число отмеченных в ходе исследования чувашско-башкирских и марийско-башкирских браков невелико. При этом в определении национальности детей от таких браков наибольшее влияние, скорее всего, оказывает фактор отца.

В удмуртско-башкирских браках представлено только одно направление – браки удмуртских мужчин с башкирскими женщинами. Выбор удмуртской национальности для детей в селении Шавьяды, видимо, следует объяснять фактором отца, выбор башкирской национальности в Максимово и в Асавтамаке (как и в других случаях, относящихся к этим селениям) – фактором матери. Браков “башкир – удмуртка” в обследованных селениях не зафиксировано.

Браков чувашских мужчин с удмуртками также немного для окончательного вывода, а идентификацию детей от таких браков можно объяснить и фактором отца, и мажоритарным фактором, так как в этом случае их направленность совпадает. В то же время при выборе национальности детей от браков “удмурт – чувашка” в большинстве случаев определяющим, по-видимому, выступает именно мажоритарный фактор.

В браках “чуваш – марийка” выбор национальности детей можно, также как и в браках “чуваш – удмуртка”, объяснять и фактором отца, и мажоритарным фактором, так как и в этом случае их направленность снова совпадает. Что же касается браков “мариец – чувашка”, то здесь фактор отца и мажоритарный фактор конкурируют, причем сильнее действует фактор отца, поэтому в большинстве случаев выбор делается в пользу марийской национальности.

Большинство марийско-удмуртских браков приходится на те селения, где национальность детей от смешанных браков предпочитают не указывать. В оставшихся случаях, возможно, сильнее проявляется мажоритарный фактор, однако таких браков слишком мало, чтобы сделать определенный вывод.

Браки мужчин-чувашей с женщинами-мордовками зафиксированы только в двух селениях Наумкино (Аургазинский р-н Башкортостана) и Ильтерьяково (Кармаскалинский р-н Башкортостана), где чувашаи выступают наиболее многочисленной группой, а мордва занимает второе место. В большинстве случаев дети от таких браков записаны чувашами. Сложнее обстоит дело с браками “мордвин – чувашка”. В упомянутых Наумкино и Ильтерьяково у детей, рожденных от таких браков, встречаются и чувашская, и мордовская идентификация. В то же время в русско-чувашско-мордовском селении Старое Эштебенькино (Челно-Вершинский р-н Самарской обл.), где процесс распространения смешанных браков явно ведет к “размыванию” мордвы, детей от таких браков, тем не менее, записывают мордвинами.

В мордовско-татарских браках чаще встречается выбор национальности по отцу, но число таких браков слишком мало, чтобы можно было сделать надежный вывод.

В единственном отмеченном браке “башкир – мордовка” (чувашско-мордовское селение Ильтерьяково) дочь записана мордовкой (мажоритарный фактор). Браков “мордвин – башкирка” не отмечено.

Тот же фактор, возможно, действует и в случае браков “мордвин – удмуртка”, но их также слишком мало для окончательного заключения. В единственном отмеченном браке “удмурт – мордовка” дети записаны русскими. В браке “мариец – мордовка” (также единственном) национальность детей не указана. Браков “мордвин – марийка” отмечено не было.

Таким образом, в целом при идентификации детей от браков татар и башкир с представителями других народов, включая русских, чаще всего доминирует фактор отца (за исключением тех местностей, где проявляются локальные особенности, связанные с фактором матери). Если речь идет о русско-чувашских, русско-удмуртских, русско-марийских и русско-мордовских браках, в действие вступает фактор престижности русской идентичности. В случае, когда в смешанные браки между собой вступают представители чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы, решающее значение при идентификации детей, рожденных от таких браков, часто имеет мажоритарный фактор.

Примечание

¹ В группировке, приведенной в предыдущих публикациях (Коростелев 2008: 117; 2008а), селение Тепляки было отнесено к четвертой группе. По результатам проведенного позже более детального анализа оно включено в подгруппу 1Б первой группы.

Литература

- Козенко 1978 – Козенко А.В. О стандартизации методик изучения национально смешанной брачности // Сов. этнография (далее – СЭ). 1978. № 1.
- Коростелев 2008 – Коростелев А.Д. Межэтнические и межконфессиональные браки в этнически смешанных селениях Урало-Поволжского региона // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: Тр. междунар. науч. конф. (Самара, 11–13 сентября 2008 г.). Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2008. С. 113–118.
- Коростелев 2008а – Коростелев А.Д. Изучение межэтнических браков в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтничного общества: Матер. междунар. науч.-практич. конф. (Казань, 26–28 июня 2008 г.). Ч. 2. Казань, 2008.
- Перициц 1967 – Перициц Ю.И. О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности // СЭ. 1967. № 4.
- Птуха 1971 – Птуха М.В. Вибрані праці. Київ, 1971. С. 183–251.
- Суколов 1990 – Суколов А.А. Национально-смешанные семьи и браки в СССР. М.: ИЭ АН СССР, 1990. Ч. 1. С. 78–93.
- Этносоциология 1984 – Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Кондратьев В.С., Суколов А.А. Этносоциология: Цели, методы и некоторые результаты исследования. М.: Наука: 1984. С. 174–183.

A.D. Korostelev. Interethnic Marriages in Ethnically Mixed Settlements of the Ural Region and Povolzhie (the Data from 2006, 2007, and 2008 Field Expeditions)

Keywords: interethnic marriage, ethnic interaction, ethnic group settlement pattern, ethnically mixed settlements, household registers, Ural-Povolzhie

The article discusses the spreading of interethnic marriages in 39 settlements of the region under consideration and draws on the analysis of bookkeeping data provided by village administration offices. The author sorts out villages according to the degree and type of distribution of ethnically mixed marriages. He traces the specificities of dynamics of the process in each village, which is important for forecasting the further development of the situation. Special attention is paid to the ethnic identification of children born of mixed marriages and its dependence on the particular ethnic groups whose representatives are married.